

понеже-де и имя противное содержит: анти, еже есть противник, а ох — обладатель. Охнул от него Израиле-т бедной» (стр. 463).

Неполная омонимия может быть не лексикологической, а морфологической. Никакой этимологизации не происходит, но игра созвучиями подчеркнута синтаксически. Созвучия отдельных частей слова создают необычное их смысловое истолкование. Получается каламбурно-морфологическое переосмысление слова, которое непривычно, индивидуально переразлагается на образующие его морфемы. Стилистически это новое понимание слова выражается в сопоставлении его с такой лексемой, которая имеет общие с ним звуковые части: «В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земли закопан» (ред. В, стр. 92).

В других случаях упор на подобозвучие, на омонимию может создаваться почти полным звуковым единообразием сближенных слов, далеких по значению, и без явного тяготения к морфологическому переразложению: «Невозможно оком единым глядети на землю, а другим на небо, также сластем и страстем работати» (стр. 828); «Как я, мазав маслом святым да потом шелепом свитым; Твори молитву Иисову, бешенный страдник!» (стр. 591).

В сущности, всякое употребление слова в новом, индивидуально окрашенном смысле, всякое применение его к иному, не подводимому под него в системе языка кругу значений и явлений может быть обозначено и осознано как игра слов. Она начинается тогда, когда подчеркивается возникновение нового значения слова посредством сопоставления его с традиционным употреблением того же слова. Индивидуальная метафора по отношению к социальной системе языка ведь всегда сначала представляется художественно-стилистическим омонимом созвучной лексемы и на ее фоне понимается и усваивается. Этот прием в «Житии» Аввакума и других его сочинениях одинаково встречается в лексике и церковно-книжного и разговорно-просторечного слоев стиля. Например: «Вот вам и без смерти смерти! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно!» (стр. 62).

Близкие к каламбуру формы игры слов возникают при столкновении двух слов с противоположными рядами значений и с контрастной экспрессивной окраской. Когда эти слова иронически приравниваются одно к другому, как бы взаимно поясняя свой «вещественный» смысл, то семантическая характеристика каждого из них оказывается опрокинутой, повернутой наизнанку. Следовательно, в этом случае звуковое подобие или совпадение совершенно отсутствует. Каламбурность покоится на предметно-смысловом сближении энантиосемических (т. е. противоположных по значению) словесных рядов. Естественно, что и в этом случае границы между книжными формами и просторечием стираются: «Мы за одно воровали, — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу» (стр. 40). Другой пример осложнен каламбурно-метафорической антитезой: «...от меня и от братьи дяконово снискание послано в Москву правоверным гостинца, книга „Ответ православных“... И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных» (стр. 61);⁷ ср. в «Книге бесед»: «...гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов» (о патриархе Иосифе, стр. 276).

⁷ Ср. иронию в употреблении близких по значению к «гостинцу» метафор: «...зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара» («Книга бесед», стр. 248); «Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать...» (стр. 250).